

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Чугаев В.В.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ КОРОНЫ, ТАЙНОГО СОВЕТА И КАБИНЕТА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Аннотация: Предметом исследования является проблема разграничения государственно-властных полномочий Коронаой в процессе ее взаимодействия с Тайным Советом и Кабинетом в период конца XVII – начала XIX вв. Объектом исследования являются непосредственные властеотношения между отдельными обладателями английской короной в период с конца XVII – начала XIX вв., Тайным Советом и Кабинетом в части реализации государственной политики и лоббирования интересов Короны в палате Общин. Отдельное внимание уделяется проблеме юридической ответственности министров за совете данный Короне. Для раскрытия темы исследования применен общенаучный системный подход. Методологическую основу исследования составил принцип историзма, разработанный в рамках научно-диалектической методологии социального познания. Великобритания в период с 1689 по 1832 гг. представляет из себя монархическое государство с авторитарным политическим режимом признаки которого начали проявляться с момента восхождения на престол Вильгельма III Оранского. Говорить о ярко выраженном народном контроле применительно к исследуемому периоду не приходится. Отсутствие правовых механизмов непосредственного народного контроля и несовершенство механизмов опосредованного контроля фактически свели контрольный механизм к механизму достижения компромисса между Коронаой и палатой Общин. Проявления принципа разделения властей в Великобритании 1689 – 1832 гг. на наш взгляд носит своеобразный характер. В конце XVII в. не произошло оформления конституционной монархии, но и с ярко выраженной узурпацией государственной власти Коронаой второй половины XVII в. было покончено. Палата Общин, являясь фиктивно представительным органом законодательной власти, в большинстве своем строившим свои отношения с Кабинетом, выражающим волю Короны, на основе компромисса.

Ключевые слова: Корона, Тайный Совет, Палата Общин, Палата Лордов, Кабинет, дискреционные полномочия, Георг III, конституционная монархия, авторитарный режим, форма правления.

Abstract: The subject of this research is the problem of delimitation of the state authority of The Crown in the process of interaction with Her Majesty's Most Honourable Privy Council and the Cabinet of the United Kingdom during the late XVII and early XIX centuries. The object of this research is the direct power relations between separate holders of the British Crown in the period ranging from the end of the XVII and beginning of the XIX centuries, Her Majesty's Most Honourable Privy Council and the Cabinet of the United Kingdom in the area of realization of state policy and lobbying of the interests of The Crown in the House of Commons. A special attention is given to the issue of legal responsibility of ministers for the advice given to The Crown. The Great Britain during 1689 and 1832 represents a monarchical state with authoritarianist political regime, signs of which began to be manifested from the moment William III of England ascended to the throne. We cannot speak to the vividly expressed people's power with regards to this period. The lack of legal mechanisms of direct public control practically reduced the control mechanism to a mechanism of reaching a compromise between The Crown and the House of Commons. The House of Commons was a fictitious representative branch of the legislative authority, mostly structuring its relations with the Cabinet, which expressed the will of the Crown, based on compromise.

Keywords: Constitutional monarchy, George III, discretionary power, Cabinet, House of Lords, House of Commons, Privy Council, Crown, authoritarian regime, form of government.

Понятие «конституционная монархия» впервые было использовано в 1801 г. автором трудов «La monarchie constitutionnelle» и «Monarch un constitutionnelle» французским писателем W. Dupre [1, p. 1]. Под конституционной монархией W. Dupre понимал форму правления, при которой, конституция прямо или косвенно разрешает суверену совершать, без подписи соответствующего министра, лишь небольшое количество актов. Сущность предусмотренных в определении Dupre косвенно-закрепленных конституцией полномочий Короны, существующих без прямого на них указания, на наш взгляд может быть выражено через понятие «дискреционные полномочия».

Обращаясь к проблеме разграничения полномочий между Короной, Тайным советом и Кабинетом, в период с 1689 – 1832 гг. основным вопросом на который необходимо дать ответ является – как и с помощью каких способов была возможна реализация главой государства своих не прописанных в законе полномочий. В интересах развития современного правотворчества и совершенствования системы государственного управления данная проблема на наш взгляд представляется весьма значимой. Ее разрешение позволит определить границы возможного формального допущения самостоятельного принятия решения главой государства в кризисных ситуациях, когда на первое место выступает не соблюдение предусмотренной процедуры, а оперативность и эффективность принятого властного решения.

Для удобства исследования обозначенной проблемы представляется целесообразным разделить интересующий нас период: 1) период правления Вильгельма III Оранского; 2) период правления Анны; 3) правление Георга I; 4) правление Георга II, 5) правление Георга III.

С пришествием на престол Вильгельма III (1689 – 1702 гг.) существовавшая система управления не получила каких-либо серьезных изменений. Юридическое значение имел Тайный Совет, а Кабинета начинал приобретать характер фактически признанного государственного учреждения состоящего из узкого круга наиболее приближенных к Короне лиц. Развитие данного института в конце XVII в. оказалось ограниченным ввиду отдельных особенностей личности принца Оранского. Последний имел сильные притязания к самостоятельному осуществлению власти, но в условиях формально обновленной системы управления в ряде случаев был вынужден прибегать к совету.

Ввиду отсутствия нормативно закрепленного порядка формирования Кабинета, данный порядок был оформлен сложившимися в целях достижения

практической целесообразности правилами, а именно:

– практически все члены Кабинета уже являлись членами Тайного Совета и таким образом, для членов Кабинета было необходимо двойное принесение присяги: членство в Тайном Совете и присяга хранить секрет по поводу вопросов обсуждаемых с Короной. Данное обстоятельство создавало условия личной ответственности отдельных министров перед Короной;

– во-вторых, членство в Кабинете, по мнению Вильгельма III, являлось почетным титулом, который лицо могло получить за определенные заслуги перед Короной или личную симпатию. Это обязывало отдельно взятого министра быть конфиденциальным советником Короны, что фактически ставило в отношении подчинения министра перед Короной. Интересным является тот факт, что в Кабинете могло присутствовать и лицо не являющееся членом Тайного совета, но пользующееся симпатией Короны. В одном из писем Вильгельма III статс-секретарю Шрьюсбери было замечено, что «... обещание приглашать на заседания Кабинет-Совета, не обязывает, ни Королеву, ни меня призывать на все те заседания, которые мы можем назначить по особенным вопросам при участии лиц занимающих высшие коронные должности, а именно, лорда Хранителя малой печати, лорда Президента, лорда Хранителя большой печати и двух статс-секретарей. ... Я не знаю, какое выражение можно сделать против этого порядка, всякий раз, как Королева приглашает названных коронных должностных лиц на совещание по секретным и важным вопросам. Конечно, число это вполне достаточно и собрание не может считаться за Кабинет-Совета, так как их должности отличают их от других государственных советников и поэтому никто не может найти вину в том, что им более доверяют, чем другим и поручают важные дела» [10, с. 76].

Из вышеописанного можно сделать вывод о том, что, по мнению Вильгельма III, ввиду отсутствия формально-закрепленных ограничений наиболее значимые вопросы должны обсуждаться в присутствии только высших должностных лиц получивших свое назначение от имени Короны.

Рассматривая вопрос о разграничении полномочий Кабинета и Тайного совета, следует отметить, что в данный период английской истории различия отсутствовали. Фактическим основанием созыва Кабинета была потребностей Короны вынести на обсуждение в узком кругу какой-либо значимый вопрос. Из анализа протоколов заседаний Тайного совета именуемых «Montagu House Papers» 1694 – 1696 гг. можно заметить, что из пятидесяти заседаний, прошедших за 59 дней, фактически в течение 47 дней присутствовал

относительно определенный круг лиц, являвшийся явно более узким, чем состав Тайного совета. В числе лиц постоянно присутствующих на заседаниях являлись: Президент совета, Лорд хранитель малой печати, два статс-секретаря представлявшие Казначейство и Адмиралтейство [8, Vol. II, part. I, p. 66]. Как Кабинет, так и Тайный совет являлись консультативными органами при Короне и фактически не могли настаивать на конкретном предложении по разрешению того или иного вопроса.

В конце XVII – начале XVIII вв. Болингброком было сформулировано предположение о рекомендуемом составе Кабинета. В своем письме Сомерсу Болингброк в 1701 г. писал: «Никто не должен входить в состав Кабинета, кроме тех, кто имеет на это право в силу занимаемой должности. Архиепископ, Лорд хранитель, Лорд президент, Лорд хранитель малой печати, Лорд камергергер, Первый лорд казначейства, два статс-секретаря. Лорд наместник Ирландии должен приглашать в тех случаях, когда он присутствует в Англии. Если Корона пожелает увеличить состав, то приглашаются Первый комиссар Адмиралтейства и Главный начальник артиллерии. Для дел Короны будет весьма полезно, если он их будет вносить на обсуждение этого совета» [7, p. 461].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что к началу XVIII в. для достижения состояния политической упорядоченности и в условиях наличия нормативно-правового вакуума на практике начинает складываться понятие Кабинета как круга лиц имеющих свои места в силу занимаемой ими должности благодаря расположению монарха. Подобное допущение на наш взгляд стало возможным благодаря высокой степени легитимности Вильгельма Оранского в неоднородном английском обществе.

В период правления Анны (1702 – 1714 гг.), Кабинет приобретает некоторые черты отличающие его от Тайного совета. У. Энсон в своей книге «Английская корона, ее конституционные законы и обычаи» делает некоторые выводы относительно Кабинета в период правления Анны. Во-первых, тесная связь между Кабинетом и правительственными департаментами. Данное утверждение, по нашему мнению вполне оправдано, что может быть подтверждено высказываниями Саундерлэнда и Болингброка. Если первый говорит о возможном присутствии Первого лорда Адмиралтейства и Начальника артиллерии в составе Кабинета, то второй, спустя девять лет, упоминает Первого лорда Адмиралтейства, обращаясь к Страффорду, как обязательного члена Кабинета: «... должность Первого комиссара Адмиралтейства вводит ваше лордство в членство Кабинета, что не могло

бы быть, если бы на вашу долю выпала должность Начальника артиллерии, не давая этим прецедента для расширения Кабинета, который Его Величество желал бы скорее ограничить в численном составе» [2, Vol. III. p. 27].

Во-вторых, необходимость уточнения лиц ответственных за каждый отдельный департамент. В начале 1711 г. в палате Общин проходили дебаты, сопровождавшиеся резкими высказываниями в отношении министров Короны, связанными с ведением войны за испанское наследство. В подводившей итог дебатам резолюции Короне было предложено назначить одного из своих министров для оглашения бумаг или писем относительно хода испанских дел [5, Vol. VI, p. 971.]. По решению Анны была предложена резолюция с заменой слова «министры» на «Кабинет Совет». В связи с этим возникли некоторые разногласия по поводу принятия решения о привлечении к ответственности лиц виновных в ведении ошибочной военной политики. Выступление лорда Рочестера, содержащее высказывания о том, что «согласно основной конституции нашего королевства министры ответственны за все», не дало какой-то существенной пользы, так как упоминание о министрах в резолюции отсутствовало.

Проблема, с одной стороны, заключалась в том, что понятие «министры» было неоднозначно, и не определяло конкретное лицо или группу лиц и включало в себя также тех, кто не участвовали в ведении военной политики, а с другой, законодательство I пол. XVIII в. не знало понятия «Кабинет Совет». Вотум порицания как осуждение проведенной политики не был страшен для Кабинета, который действовал не единогласно и когда палата Общин или Лордов пыталась найти конкретных виновников, то нить терялась в комитете Тайного Совета. Ввиду последнего Кабинет приобрел структуру, рекомендуемую лордом Болингброком представлявшим оппозиционно-настроенные торийские группировки.

В-третьих, при Анне деятельность Тайного совета была сведена к формальной исполнительной деятельности. В пользу данного высказывания У. Энсон приводит примеры принятия решений с участием Тайного совета. Суть данных примеров сводится к уменьшению совещательной роли Тайного совета. Если вопрос о продаже Дюнкирхена тщательно обсуждался в Совете, то спустя тридцать лет после просьбы лорда Хольмонделей об отложении рассмотрения вопроса о ратификации мирных и торговых договоров касающихся Утрехтского мира, был получен категоричный отказ, а сам лорд Хольмонделей на следующий же день был лишен занимаемой им придворной должности [10, с.

86]. Следует также заметить, что значительный вклад на принятие тех или иных решений Короны, в том числе связанных с формированием Кабинета значительную роль играли придворные дамы, приближенные к Анне, ярким примером является деятельность леди Мальборо.

Таким образом, в период правления Анны фактическая возможность заручиться поддержкой отдельных лиц имевших влияние в правящей политической группировке позволяла Короне ограничивать состав Кабинета.

В период правления Георга I (1714 – 1727 гг.) наблюдается коренное изменение в статусе Кабинета. Ввиду некоторых негативных качеств, например, незнание английского языка и нежелание участвовать в управлении делами государства, с первых дней правления Георг I наделил своим доверием лидеров вигской политической группировки и перестал председательствовать на заседаниях Кабинета. Необходимость организации деятельности последнего привели к выделению из общей массы членов Кабинета первого министра. Это привело к изменению порядка формирования Кабинета и членство того или иного лица в Тайном совете при выборе его в качестве члена Кабинета перестает иметь значение.

У. Энсон цитируя лорда Эктона, пишет: «... правительство партии было установлено в 1714 г. партией, заседавшей в Кабинете, а правящая власть была практически уступлена. Она была разделена не между министром и Королем, а между главой министерства и главой оппозиции». По разным точкам зрения до 1714 [10, с. 87] или до 1717 [1, р. 14] гг. титул первого министра оставался неизвестным. Среди членов Кабинета то один, то другой министр лишь пользовался большим доверием со стороны Короны, так, например, в период правления Вильгельма III сначала Шрьюсбери, а потом Сомерс выступал в роли главного советника Его Величества. В период правления Анны вообще нет оснований говорить о выделении того или иного министра в качестве первого, хотя положение лорда Гарлея по некоторым признакам по статусу было сходным со статусом первого министра.

Таким образом, с приходом на престол Георга I происходит наиболее четкое разделение понятий «Кабинет» и «Тайный Совет». Как утверждает У. Энсон, разграничивая данные понятия: «... Кабинет состоит из слуг Его Величества. В Тайном совете же заседают лорды и другие высокоуважаемые тайные советники». По его мнению, всякое заседание Тайного совета, на котором Корона не присутствовала, был Кабинет, даже если бы пришли все приглашенные [10, С.88]. Приобретая правительственные функции,

Кабинет все чаще собирается с целью определения способа приведения в жизнь функций важнейших департаментов и даче по этому поводу совета Короне. Тайный совет приобретает качества исполнительного органа и начинает собираться исключительно, для того чтобы привести в исполнение совет, данный Короне от имени Кабинета или отдельного министра.

В период правления Георга II (1727 – 1760 гг.) положение Кабинета вновь становится неоднозначным. В 1744 г. Георг II недовольно констатировал, что министры фактически являются королями в Великобритании [1, р. 11]. На самом же деле в течение всего XVIII века министры были не больше чем советниками Короны. Их задача состояла в том, чтобы дать совет или предложить решение той или иной проблемы, после же принятия решения, министры были обязаны подчиниться, даже в том случае если их совет был отклонен. Сложность заключалась в том, что на протяжении практически всей I пол. XVIII в. обладатели английской короны по собственной воле были отдалены от управления в Великобритании и преследовали личные интересы за ее пределами.

На наш взгляд юридический набор полномочий, который сохранили английские монархи ко II пол. XVIII в., во-первых, позволял довольно эффективно влиять на государственную политику и, во-вторых, постоянно увеличивался. Причиной последнего помимо личных притязаний Георга III можно выделить и приобретение новых несвойственных для английского государства функций. Империалистические тенденции поставили английское государство в лице Короны и Кабинета перед проблемой эффективного колониального управления. Власть монарха фактически зависела от того насколько эффективно ответственный министр выразит и защитит интересы Короны в палате Общин. В рамках сложившейся структуры нормативно-правовых предписаний суверены за счет использования определенных методов политического управления стремились обеспечить существование Кабинета, который был способен поддержать политику Короны. Необходимость использования определенных методов управления определялась рядом факторов:

– во-первых, суверены утратили возможность непосредственно участвовать в проведении выборов в палату Общин;

– во-вторых, монархи в большинстве случаев не могли игнорировать решения палаты Общин, подержанные палатой Лордов;

– в-третьих, министры в XVIII в. были отстранены от непосредственного влияния на принятие того или иного нормативно-правового акта.

Совокупность описанных факторов вынудила Корону в лице представителей ганноверской династии, в отличие от их предшественников Стюартов, действовать через палату Лордов и палату Общин посредством убеждения последней. Для достижения данной цели способной поставить монарха фактически во главе государства использовались различные способы и методы, которые нами были обобщены, как механизмы реализации властных полномочий, понятие последнего нами было рассмотрено ранее.

Попытка Георга III (1760 – 1820 гг.) вернуть утраченную его предшественниками власть и уменьшить влияние вигской политической группировки породила проблему, ставящую ряд вопросов о роли монарха в английской конституции [3, р. 16]. Во взаимоотношении с главой Кабинета одним из основных требований Георга III заключалось в том, что Первый министр должен был быть человеком, которому Георг мог доверять, человеком, который будет предан ему лично, не только как главе государства, но и как своему другу. Данное обстоятельство позволило монарху реализовывать собственную политику и противостоять оппозиционно настроенным кругам палаты Общин и отдельным членам Кабинета, удаление с политической арены которых было не под силу Георгу III.

Отправление в отставку неугодного главы кабинета широко использовалось Георгом III с целью ограничения влияния вигского большинства на исполнительную власть. Так, например, 26 мая 1762 г. был отправлен в отставку глава кабинета министров – виг герцог Ньюкасл. На его место был назначен представитель тори граф Бьют. Подобные действия явились нарушением полувековой традиции, согласно которой Первым министром должен был стать лидер политической группировки имевшей большинство в палате Общин.

Описанный пример не явился исключением из общего правила и подобная практика повторялась неоднократно. 13 июля 1765 г. Георг III из-за личной неприязни отправил в отставку Гренвила, по предложению которого были приняты законы о сахарном, денежном, квартирном и гербовом сборах. Новый состав был сформирован дядей короля герцогом Камберлендом, который согласился возглавить Кабинет, с одним лишь условием, что маркиз Рокингем будет Первым лордом Казначейства. Рокингем был другом Камберленда, а сторонники Рокингема имели в палате Общин большинство. Данное обстоятельство позволило Георгу в качестве личной инициативы провести ряд законопроектов относительно взаимоотношений с английскими колониями в Америке.

В борьбе с таким мощным в политическом плане органом власти, как палата Общин Георг III в редких, но в весьма резонансных, случаях использовал такую крайнюю меру реализации собственной политики, как роспуск последней. В 1783 г. усилиями Георга III был отклонен, призванный реформировать Вест-индскую компанию, Индийский билль. Чуть позже, поддерживая свою линию против реформирования Вест-индской компании, Георг III уходит в отставку правительство коалиции Фокс-Норт и назначает на должность первого министра Питта младшего, который не был одобряемым палатой Общин. Стремление поддержать своего министра всеми способами привело к роспуску палаты Общин [1, р. 12].

Процветающие в XVIII в. отношения взяточничества неблагоприятно влияли на процессы государственного управления, создавая неэффективные и в некотором смысле антинародные органы власти. В целях воспрепятствования подобным явлениям Корона была вынуждена бороться с ними их же методами. Это создало обстановку у которой пока то или иное лицо не состояло в Кабинете, одним из основных поддерживаемых лозунгов являлся: «Нет коррупции», но как только оно приходило к власти, то не могло не прибегать к данной форме влияния [3, р. 14].

Особенности той или иной политической обстановки, а также сложившееся в тот или иной момент общественное мнение могли стать препятствием для отправления в отставку неугодного министра, что вынуждало Корону применять несколько иные механизмы реализации собственной воли. В качестве такового можно выделить фактическое игнорирование советов главы кабинета или отдельного министра по изменению основных направлений государственной политики. Так в 1761 г. Питт Старший покинул пост секретаря по делам Южного департамента в знак протеста против стремлений Георга III и графа Бьюта как можно скорее завершить Семилетнюю войну в ущерб территориальным интересам Англии в Северной Америке. Юридически подобные действия Короны не могли быть оспорены и фактически ставили главу Кабинета в ситуацию неспособности руководить исполнительной властью.

К последней четверти XVIII в. складывается понятие «конфиденциальный кабинет» применяемый к более тесному кругу министров участвующих в решении наиболее важных государственных вопросов. Глава Кабинета герцог Графтон, считавший, что состав конфиденциального кабинета слишком велик, противился участию в заседании последнего лорда Бристола получившего в 1768 г. малую печать. Впоследствии, когда Графтону был предложен долж-

ность Хранителя малой печати в качестве условия вступления в должность он потребовал своего освобождения от участия в заседаниях конфиденциального кабинета.

Характеризуя состав конфиденциального следует заметить, что он был чем-то средним между составом Кабинета и составом Тайного совета. Так лица занимаемые должности в Кабинете одновременно являлись членами двух органов власти (Кабинета и Тайного совета) по случаю двойного принесения ими присяги, лица же оставившие свои места в Кабинете оставались членами Тайного совета и могли сохранить положение неформального советника Короны, а именно войти в так называемый конфиденциальный Кабинет. Так, например, в 1771 г., когда Графтон уже не являлся членом Кабинета, Георг III, желая получать от него совет, приказал оповещать лорда Графтона обо всех важных делах рассматриваемых в составе конфиденциального кабинета [10, с. 93]. Юридической стороной данного решения стало освобождение от ответственности Графтона за совет, данный Короне. Данный пример не является единичным случаем обхода нормативно-правовых предписаний, что привело к появлению двух разновидностей советников Короны: во-первых, те, кто являлись действительными членами Кабинета, а, во-вторых, те, кто не являлся членом последнего, но в силу симпатии со стороны монарха считались Кабинет-советниками. На практике дело доходило до того, что лица являвшиеся кабинет-советниками рекомендовали Короне удалить из Кабинета того или иного министра.

Сложившаяся ситуация была не случайна, а в некоторой степени спланирована, она позволяла Короне маневрировать между мнениями неугодных министров и лиц совет, которых был ценен для Георга III. В 1801 – 1805 гг. конфиденциальный кабинет прекращает свое существование. В 1801 году, когда лорд Лоборо освободил место лорда Канцлера в пользу лорда Элдона, он оставил у себя ключи от «кабинетских» шкафов, чем сохранил за собой доступ к государственной документации. Лорд Аддингтон занявший пост первого министра писал Лоборо: «Его Величество считает посещение вашим лордством заседаний Кабинета, прекратившимся с момента передачи Печати» и «... число кабинет-министров не должно превосходить числа лиц, ответственное должностное положение которых, заставляло их быть его членами» [4, р. 326-327]. Нельзя однозначно сказать было ли это волей Георга III, на заинтересованность и опасения лорда Аддингтона вполне понятны и связаны с боязнью возложения на себя юридической

ответственности за действия лиц, которые не входят в состав Кабинета, но пытаются сохранить за собой статус советника Короны.

Сохранение влияния Короны к последней четверти XVIII в. начинает угрожать независимости представительной власти, что было опасно в условиях кризиса английского государства. Кабинет призванный отвечать новым потребностям внутренней и внешней политики более не мог оставаться в тени Короны. По мере развития избирательного права не известный английской конституции институт Премьер-министра становится все более легитимным, и в первой четверти XIX в. лицо, занимающее данную должность, фактически становится народным избранником.

Конституционный принцип, гласящий о том, что монарх всегда прав и не может делать зла, заключается не в том, что никакая несправедливость не может быть сделана королевской властью, а в том, что ответственность за неправильный совет должен нести его адресат. Данный принцип, тесно переплетающийся с принципом министерской ответственности является одной из основных частей фундамента конституционной монархии.

В начале XIX в. нерушимость данного принципа привела к конфликту между Короной и Кабинетом. В 1807 г. Георг III, перед тем как утвердить состав нового Кабинета, потребовал членов последнего отказаться от поддержки католического вопроса. В своем отрицательном ответе члены Кабинета заявили, что не отрицая права Короны на назначение членов Кабинета, они против того чтобы монарх ограничивал право министров на совет, так как подобные действия шли бы в противоречие с принципом не ответственности Короны [1, р. 14]. В данном конфликте Георг был вынужден подчиниться. И после 1807 г. не было ни одного случая притязаний монарха к своим министрам по поводу ограничения права последних на ответственный совет.

Утверждая, что «в XVIII в. сложилась система Кабинета, при которой выбор Короной министров зависел от господствующего в палате Общин большинства» [9, с. 83] сторонники вигского изложения истории торопили события. В условиях отсутствия сформировавшихся политических партий с постепенной утратой Короной монопольного права выбора министров последний решался в результате достижения компромисса между монархом, палатой Общин и непосредственно министрами. По мнению Н.Н. Яковлева в конце XVIII в. уже «можно говорить о постепенной замене власти Короны властью премьер-министра» [11, с. 229]. По мнению А. Форда в этот период «складывается новый тип пре-

мьер-министра с двойной функцией – королевский министр в палате Общин и министр палаты Общин при Короне» [6, р. 329].

После смерти Георга III и восшествия на трон Георга VI монархия окончательно и бесповоротно начинает терять свое место в определении направлений английской политики. Последним подтверждением этому стала поддержка в 1829 г. идеи о свободе католического вероисповедания. На наш взгляд, с этого момента право определять политику больше не могло быть поделено между Короной и Премьер-министром. Неограниченное право дать совет находилось в руках Кабинета, а обязанность принять в руках монарха.

В завершении следует отметить, что Великобритания в период с 1689 по 1832 гг. представляет из себя монархическое государство с авторитарным политическим режимом. Данное обстоятельство подтверждается наличием всех необходимых признаков присущих авторитарному режиму.

Автократизм государственной власти обретя новые внешние признаки по своему начал проявляться с момента восхождения на престол Вильгельма III Оранского. С 1689 г. начинает выделяться так называемый узкий Кабинет, который постепенно начинает приобретать характер фактически признанного государственного учреждения состоящего из узкого круга наиболее приближенных к Короне лиц. Субъектный состав же данного учреждения определялся сложившейся личной привязанностью, как это ярко, например, проявилось в период правления Георга III, или полезностью того или иного человека благодаря его авторитету в палате Общин.

Говорить о ярко выраженном народном контроле применительно к исследуемому нами периоду на наш взгляд не приходится. Отсутствие правовых механизмов непосредственного народного контроля и несовершенство механизмов опосредованного

контроля фактически свели контрольный механизм к механизму достижения компромисса между Короной и палатой Общин.

Проявления принципа разделения властей в Великобритании 1689 – 1832 гг. на наш взгляд носит своеобразный характер. Вопреки мнению большинства авторов в конце XVII в. не произошло оформления конституционной монархии, но и с ярко выраженной узурпацией государственной власти Короной II половины XVII в. было покончено. Палата Общин, являясь фиктивно представительным органом законодательной власти, в большинстве своем строила свои отношения с Кабинетом, выражающим волю Короны, на основе компромисса. Отсутствие принципиальной позиции отчасти объяснялось практически постоянным присутствием лояльного Короне большинства английских коммунеров, обеспечением которого занимался Кабинет. Ввиду того обстоятельства, что складывание партийной системы относится к более позднему периоду существовавшие в период XVIII – начала XIX вв. политические группировки поддерживали узкоклассовые или личностные интересы. Группировки же носящие в тот или иной момент оппозиционный характер старались избегать поведения явно конфронтующего с общей политикой, большая часть недовольств ограничивалась общинными дебатами.

Рассуждая о неправовом характере государственной власти, то, как нами было описано выше, значительная часть положений ограничивающих полномочия Короны зачастую обходилась или подвергалась специальному толкованию. Кроме того, использование принципа практической целесообразности и ряда конституционных обычаев создало высокий уровень прозрачности конституционно-правовых норм, что привело к проявлению дискреционного характера власти Короны.

Библиография:

1. Bogdanor, V. The monarchy and the constitution / V. Bogdanor. Oxford, 1993.
2. Bolingbroke, letters, Vol. III.
3. Butterfield, H. George III, Lord North and the people / H. Butterfield. London, 1949.
4. Campbell, J. Lives of the Lord Chancellors and keepers of great seal of England, from the earliest times till the reign of King George IV / J. Campbell. London, 1868, vol. VI.
5. Cobbett's W. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803. London, 1810.
6. Foord, A. His Majesty's Opposition. 1714 – 1830. Oxford, 1964.
7. Hardwick, P.Y. Miscellaneous State Papers II; from 1501 – 1726 / P.Y. Hardwick. London, 1778.
8. Hist. M. SS. Commission. Montagu House Papers.
9. Модель, Д.А. Становление ответственного министерства в Англии. – Из истории европейского парламентаризма. Великобритания / Модель Д.А. М., 1995.
10. Энсон, У. Английская корона, ее конституционные законы и обычаи: Перевод с английского / У. Энсон. СПб., 1914.
11. Яковлев, Н.Н. Монарх, Кабинет и Парламент Великобритании в конце XVIII в. / Н.Н. Яковлев // Британия и Европа. М. 2000.

References (transliterated):

1. Bogdanor, V. The monarchy and the constitution / V. Bogdanor. Oxford, 1993.
2. Bolingbroke, letters, Vol. III.
3. Butterfield, H. George III, Lord North and the people / H. Butterfield. London, 1949.
4. Campbell, J. Lives of the Lord Chancellors and keepers of great seal of England, from the earliest times till the reign of King George IV / J. Campbell. London, 1868, vol. VI.
5. Cobbett's W. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803. London, 1810.
6. Foord, A. His Majesty's Opposition. 1714 – 1830. Oxford, 1964.
7. Hardwick, P.Y. Miscellaneous State Papers II; from 1501 – 1726 / P.Y. Hardwick. London, 1778.
8. Hist. M. SS. Commission. Montagu House Papers.
9. Model', D.A. Stanovlenie otvetstvennogo ministerstva v Anglii. – Iz istorii evropeiskogo parlamentarizma. Velikobritaniya / Model' D.A. M., 1995.
10. Enson, U. Angliiskaya korona, ee konstitutsionnye zakony i obychai: Perevod s angliiskogo / U. Enson. SPb., 1914.
11. Yakovlev, N.N. Monarkh, Kabinet i Parlament Velikobritanii v kontse XVIII v. / N.N. Yakovlev // Britaniya i Evropa. M. 2000.